

оперирование типизированными фактами, представляется естественной привязка этих образов к вполне конкретным вещам, единицам музейного хранения. Однако вряд ли эти предметы однозначны и выступают единственным символом, что, впрочем, само по себе следует из явной незавершенности процесса выявления первопричин и первоэлементов реального мира. Тем не менее любой предмет, в том числе и хранящийся в музейных коллекциях, выступая частью, документальным свидетельством реальности, может служить основанием для поиска их соответствия в связи с нарождающейся натурфилософской картиной бытия бамбара. И поэтому музейные коллекции, конкретные предметы из их числа имеют непреложную ценность для соответствующих реконструкций.

Кстати, и какую-то часть музейной экспозиции можно было бы тематически организовать в соответствии с этими уже упомянутыми «первоэлементами» зарождающихся натурфилософских представлений о мире. Например, выделение зоны «земли» для демонстрации аграрного производства и аграрных магических практик, «культы плодородия» и т.п. То же могло бы оказаться своего рода «идеологической подоплекой» для демонстрации кузнеческой субкультуры в зоне «огня», а ее органично связанной с «огнем» через «землю» антитезой выступала бы зона «воды». Последняя была бы и источником жизни, и условием плодородия «земли». Такая организация предметного наполнения экспозиции создавала бы интригу соучастия посетителей музея в таинстве со-творения мира, его рождения и возрождения во взаимодействии этих «первоэлементов».

Вневремелье (или иновремелье) — «пласты времени»

«Время» относится к числу фундаментальных понятий «современной», т.е. «свойственной» нам, картины мира. Эта категория непреложна для выявления момента движения, изменчивости, прироста новизны, ориентированности на неповторяемость, «совершенствование» и в конечном счете «прогресс» в сфере образа и организации самой жизни. Для нас самих, нашей практики, организации существования, счисления, образа истории, алгоритмов построения технических устройств, т.е. для всех кодов и производных форм цивилизации свойственно представление о линейности, векторности и необратимости времени. Последние десятилетия XX в., сопряженные и с кризисными явлениями в самой цивилизации, и с сопутствующим

им поиском альтернатив, ввели в оборот современного сознания восточные представления о цикличности времени. Однако пока они не внедрились в современную «общечеловеческую» культуру, не вышли за рамки экзотических компонентов обыденного сознания и никак не повлияли на базовые ориентиры. Чтобы такой «переворот» мышления, в частности, на уровне научной картины мира состоялся, вероятнее всего потребуется своего рода «цивилизационный катарсис», в частности релятивизация фундаментальных ценностей сегодняшней физической картины мира. Но для этого как минимум придется сформулировать основные черты альтернативной парадигмы, если она вообще возможна. А затем придется пройти вспять историю физики и других «естественных наук». Это необходимо, чтобы, к примеру, осмыслить, где и почему, «физика» в ее первоначальном значении, близком «миру/природе», из «матери наук» превратилась в весьма специализированную область знаний. Ведь опыт этнографической науки говорит о весьма широком разнообразии воззрений на мир в различных культурах. И нет ни одного народа, чья картина мира не обеспечивала бы его всестороннего воспроизводства. А стало быть, вне зависимости от форм и постулатов этих конкретных «моделей» они достаточны для поддержания жизни, приспособления ее к конкретным условиям протекания жизненного процесса соответствующих народов. Но, если непреложная для науки связка «пространство/время» нерелевантна для данной культуры, данной системы отражения и рефлексии, можно ли утверждать ущербность такой культуры (см.: [Арсеньев 2009]). В силу стереотипов и инерции мышления, культурной ангажированности как обывателей, так и «людей науки» есть вещи, которые трудно или невозможно представить как безусловные ценности других культур. Ибо даже идея «циклического времени» воспринимается в современной культуре как экзотика, некий образ, поэтический штамп.

Представить же себе временные воззрения бамбара еще труднее. На первый взгляд, раз «время» есть величина объективная (взять хотя бы астрономическое время, смену «зимы» и «лета», «ночи» и «дня», «рождение» и «смерть»), то оно должно находить свое концептуальное, лексическое и даже категориальное выражение. Рассуждения исследователей следуют определенной предикативной и детерминистской логике: всегда, когда есть намерение что-то совершить, т.е. проявляется некоторая «проективность» мышления, логически предполагается концептуальная реальность представлений о будущем времени. Когда есть память о свершившемся — прошедшем. Есть реаль-

ное состояние, данность — настоящее. Все это и всегда находит отражение в соответствующих грамматических конструкциях того же языка бамбара. Но есть ли это прямое свидетельство адекватности категории «время» культурной реальности бамбара? Вовсе не обязательно. И дело даже не в отсутствии собственных, незаимствованных лексических средств. Есть усвоенные из арабской лексики слова, содержательно приближающие к понятному для нас термину, понятие «время» — «ваати», «тумани» и т.п. Но это не ответ, это еще одна загадка: что же вкладывается в рамки подобных определений? Проблеме выяснения адекватности «времени» мышлению бамбара не снимет ни выражение «о йорони келен», т.е. «сразу, в одночасье» с буквальным значением «на этом самом [едином] месте» сего выступающей на поверхность пространственной привязкой действия в значении для нас временной, ни проявления цикличного восприятия событий. Ведь циклические «обороты» сами по себе могут быть необратимы. Причем необратимость эпизода, мгновения вовсе не обязательно влечет за собой необратимость времени, да и само «время» может не только не эксплицироваться, но вовсе даже и не подразумеваться. События могут происходить, разворачиваться, переставать быть актуальностью жизни, но «время» при этом — стоять, быть нулем, отсутствовать. Ведь, что значит смена «дня» и «ночи», «лета» и «зимы», если в бесконечном круговороте природы при незаметности перемен от года к году, от одного семилетнего цикла оборота земель и социальной инициации к другому, от одного трехпоколенного оборота популяции к другому перемен нет или почти нет. А в идеале их быть не должно — так ориентировано мышление бамбара, так ориентирована хозяйственная и социальная система. В сознании бамбара закрепился стереотип, основанный на параллелизме процессов: природа рождается и умирает, рождается и умирает, равно и человек рождается и умирает, вновь рождается и вновь умирает, обретая новую плоть, новый облик, но оставаясь самим собой. И так бесконечно.

Собственно, и проблема «начала» и «конца» при таком подходе равно неадекватна, поскольку «начало» и «конец» какого-то эпизода вовсе не предполагают всеобщего движения «от — к». Это своеобразное «безвременье» и «неподвижность», которые можно, конечно, рассматривать как «иновременье». Но вряд ли кто сумеет определить его параметры иначе, чем сюрреалистическое, метафизическое «застывшее время». Ведь этой неподвижной субстанции надо быть, с позиции европейского мировосприятия, но ее нет. Пожалуй, применительно к мироотражающим стереотипам бамбара можно говорить о смене

пластов, причем даже не времени, а событий. Это похоже внешне на растасовку карт, где каждая карта — не временной, но событийный пласт. И, таким образом, набор событий всегда один и тот же, но данные (или сложившиеся на данность) комбинации чаще различны, чем совпадают. Вот эта-то «данность» и воспринимается нами как «одномоментность», хотя она может быть не более чем «единоместность» в общем действии. Поток же перемещений пластов друг относительно друга и интерпретируется нами как «время», будучи близкой к брουνновскому движению сменой и возвратом событий в ограниченном наборе и пространстве [Арсеньев 1996: 172–212].

При всей видимой сложности передачи в пространстве экспозиции подвергнутых рассмотрению в этом подразделе воззрений на мир, которые мыслятся как имманентные мировосприятию бамбара, тем не менее эта задача может решаться в музейной практике. Ключ к адекватному ответу лежит в способности отобрать и зрелищно, символически очевидно разместить в экспозиции предметы, связанные с «иностранностью», с образами «мнимого» — для «нас», но вполне «реального» — для «них». Помимо фигурок предков, фигурок плодородия, так называемых «фетишей» и тому подобных «магических представителей» и «посредников» в общении с «параллельным миром», в витринных пространствах возможно создание специфического контекста вещей. Этот «контекст» для зрителей-европейцев должен обладать признаками загадочности, присутствия «чего-то», с трудом идентифицируемого, но сущего и завораживающе влияющего на созерцающих. Впрочем, это «нечто» обычно для самих африканцев. Это «бездействие в действии» или «действие в бездействии». Это стабильность и устойчивость всего «мироздания», его «застылость» и «оцепенение» лишь при видимой, но на деле ложной динамике суеты и суетности, когда все перемены — мнимы. Этот стереотип устойчивости, безвремения очень отчетливо заметен в пластике «круглой» скульптуры бамбара (см. во Введении о № 6711-101), прежде всего в «фигурках предков», которые наиболее тесно связаны с символикой бесконечного круговорота «живых» и «мертвых». Этот круговорот сам по себе являет собой не только условность временной категории, но и, по существу, ее ненужность. Каждый новорожденный — это вернувшийся из «параллельного мира» предок. Задача «живых» — только идентифицировать его, интегрировать в мир «живых», наречь его именем и таким образом предопределить новый цикл его бытия [Дозон 2006].

Кстати, для обозначения «иностранности» существуют множественные маркеры: маски и их шествия, специфический звуковой фон, орна-

менты, пищевые стимуляторы (орехи кола, пиво, пальмовое вино и т.п.), особенности освещения. В частности, освещение в пространстве музейной экспозиции при построении «вневременного», постоянного состояния также искусственно конструируемого «контекста вещей» выступает важным элементом обеспечения искомого эффекта воздействия на зрителя. Возможно и применение фонового звукового воздействия, отражающего реальное фоновое звучание саванны, приближающееся к инфразвуку. Оно же создает эффект незримого присутствия, неизвестности, подкоркового возбуждения — фaszинации [Кнорозов 1973]. После чемпионата мира по футболу 2010 г. в ЮАР этот феномен стал хорошо известен повсеместно из-за непрерывного и монотонного звучания во время матчей труб-«вувузел», весьма раздражавших непривычных к такому неотчетливому шуму европейцев, но придававших всему происходившему оттенок той самой «вневременной инореальности».

Космос как проекция общественного коллектива в самозамкнутое пространство (односвязная поверхность)

Не менее важными, чем «временные», для нас, как представителей современной культуры и знания, наследников нормативной для цивилизации картины мира, выступают пространственные представления. Увы, и здесь бамбара дают исследователю, пытающемуся разобраться непредвзято в сути реальных, а не якобы «универсальных» дидактически нормативных представлений о мире, можно сказать, амбивалентный материал. Подобно собственному отражению в зеркале [Bathurst 1994] или «бумерангу исследователя», как об этом говорил В.М. Мисюгин [Мисюгин 1991] у них можно увидеть все, что мы считаем непреложным для «пространственно-временных» конструкций. Есть «земля» и «небо», «верх» и «низ». Но и здесь, как и с понятием «время», возникает множество проблем. Дело не только в отсутствии прямого лексического выражения этого понятия. Дело (как и в случае с «ньяма») в очень большой конкретности определения «чего-то между чем-то». Уже одно то, что «небо» и «земля» совместимы у бамбара через понятие «твердь/кость», свидетельствует о сомнительности поиска аналогий в этой части картин мира [Арсеньев 2007: 22–36].

О неорганизованной части пространства (или «хаосе») в зафиксированных формах передачи информации о мироздании у бамбара